

Исторические модели в исследовании проблем языковой политики

Д.Н. Иванова, А.Ю. Поленова

Южный федеральный университет

Аннотация: Данная статья освещает концептуальные модели, позволяющие оценить эффективность языковой политики, в исторической перспективе. Использование сравнительно-исторического подхода позволило выявить наиболее эффективные формы языковой политики в современном национально-ситуативном контексте. Особый акцент в статье авторы делают на критическом анализе целого ряда исторических моделей, которые долгое время выступали в качестве основного инструмента оценки эффективности языковой политики на Западе. Новизна статьи заключается в открытии новых модусов измерения результативности применяемых на практике принципов языковой политики и планирования. В статье также дано веское обоснование понимания языка как активного средства социальной реальности во всем многообразии ее форм и отношений.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, сравнительно-исторический подход, исторический нарратив, историческое сознание, евроцентричная модель, культурный центр, периферийные регионы, дедуктивные методы, индуктивные методы, модернизм, постмодернизм.

Изучение вопросов языковой политики и языкового планирования в сравнительно-историческом ракурсе представляется нам перспективным научным направлением и в современных условиях приобретает все большее прикладное значение, поскольку позволяет выработать конкретные механизмы разрешения языковых конфликтов и эффективные формы коммуникации для политиков, корреспондентов, чиновников и всех, кто занимается связями с общественностью.

В условиях развивающегося демократического сообщества все население нуждается в формировании устойчивых умений и навыков эффективной коммуникации как в области речевого производства, так и в области ее восприятия. Научный сравнительно-исторический анализ проблем языковой политики может способствовать реализации гармоничной речевой практики и взаимопонимания между представителями разных поколений, в том числе между политическими лидерами. Рассмотрение вопросов языковой политики через призму мировых стандартов в историческом контексте может помочь в выработке рекомендаций для формирования позитивного образа

России в восприятии зарубежными партнерами. Такой подход делает данное исследование особенно актуальным на фоне обострившихся в последнее время политических, экономических и социально-культурных коллизий, нередко завуалированных под языковые. Цель настоящего исследования – предложить научному сообществу исторические модели в качестве инструмента наработки эффективных форм языковой политики в современном контексте.

Хотелось бы напомнить, что в свое время Макс Вебер, пытаясь ответить на вопрос, почему западная цивилизация смогла достичь такого расцвета, объяснил этот феномен следующим образом: «Только в западной цивилизации появились явления культуры, соответствующие универсальным значениям и ценностям» [1]. В этом объяснении ключевым понятием, на наш взгляд, является слово «универсальный», так как языковая унификация и устранение диалектных различий через обеспечение всеобщей грамотности стали главными рецептами из поваренной книги национального строительства, которые обеспечили успех западной цивилизации. С течением времени подобные взгляды глубоко укоренились в западной научной мысли, и было выдвинуто предположение, что исторический опыт в области языковой политики некоторых развитых стран Запада может послужить в качестве образца для других цивилизаций. С получением независимости многие постколониальные государства копировали универсальные модели национального развития, разработанные на Западе, которые, как правило, провозглашали в качестве основной цели – достижение экономического процветания. Принимая во внимание важность исторического исследования, мы хотим представить краткое описание разных аспектов конвенциональной исторической парадигмы, а также проблем и парадоксов, возникающих в модернистском и постмодернистском поле исследования. Кроме того, мы хотим подвергнуть критическому анализу евроцентрическую унитарную

модель языковой политики и роль, приписываемую языку и идеологии в рамках этой модели.

Пытаясь писать о проблемах языковой политики и планирования в ретроспективе, специалисты сталкиваются с проблемой накопления фактического материала в таком количестве, что масштабность проекта может привести их к эпистемологической неуверенности. В свете такого подхода историки, как, впрочем, и этнографы «должны в первую очередь определиться с собственным отношением к описываемой исторической эпохе и к источникам информации. Необходимо также отграничить количество тем, заявленных для исследования, поскольку никакое изучение не может претендовать на завершенность. Принимая решение по каждому вопросу, необходимо помнить, что исследовательские модели имеют значение. Мало кто из пишущих творит свои собственные гобелены, скорее они изготавливают более простые вещи из готовых запасных частей» [2].

Как только решение принято, историки выносят предположение, какие концепты, категории, языковые формы лучше всего подходят для цели исследования, позволяя репрезентировать «истинную» картину прошлого. Следовательно, точка зрения, предложенная специалистом, представляет собой по большому счету авторское видение тех или иных событий, расположенных в определенной точке на оси времени. Методологически, исторический ракурс рассмотрения проблемы предполагает применение дедуктивных и индуктивных методов исследования для того, чтобы изобразить более или менее достоверную картину прошлых событий.

Кроме общепризнанных и широко применяемых дедуктивных и индуктивных методов существует еще один аспект, имеющий значение для исторического исследования. Этот аспект получил название абдуктивного, и как отмечает Манслоу, сводятся к тому, что «в ходе исторического исследования специалисты используют «факты», чтобы приписать им новые

смыслы... если бы они этого не делали, то история имела бы менее ревизионистский характер» [3, С.18].

В западных публикациях на заданную тематику выделяются работы Хэйдэна Уайта, который в имевшей широкий общественный резонанс книге «Метаистория» [4] выступил открыто с критикой независимого исторического учения и расставил акценты на структуре исторических нарративов. В «Метаистории» Уайт постулирует четыре основных модуса исторического сознания: метафора, синекдоха, метонимия и ирония. Каждый из этих приемов может служить в качестве специфической стратегии интерпретации фактов истории. Вслед за Хайдеггером, Леви-Строссом, Фуко и другими Уайт подчеркивает фиктивный (вымышленный) характер исторического сознания и выделяет несколько уровней концептуализации, применяемых им при анализе магистральных работ по истории: хроника, история, спор, идеологическая интерпретация.

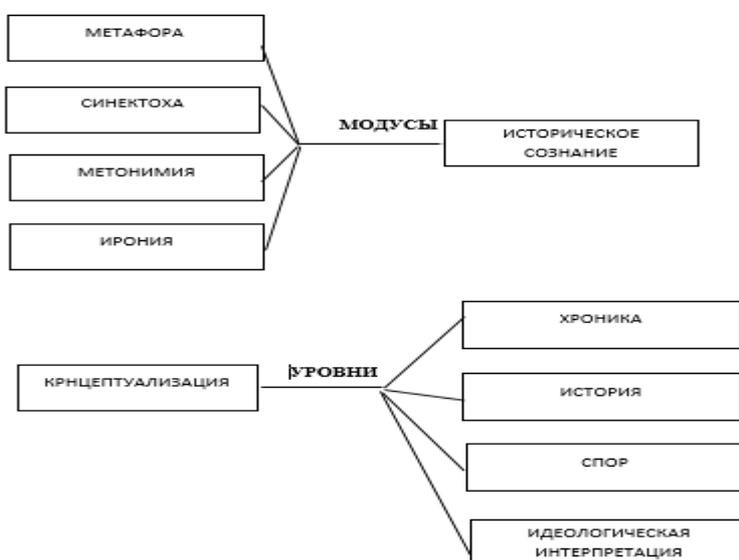

Рис. 1. – Модель интерпретации исторических нарративов по Уайту

По мнению Уайта, хроники и истории воспроизводятся через «подборку и обработку информации из подлинных исторических документов с целью сделать эти документы более понятными широкой аудитории» [4, С.

5]. Интересным в рамках нашего исследования видится также определение идеологии, которое предложил Уайт. Он определяет идеологию как «набор установок для определения активной позиции в современном мире общественной практики» [4, С. 22].

Вопрос, который мы хотели бы задать в связи с исследованием Уайта в контексте интересующей нас тематики, звучит примерно так: можно ли говорить о полном соответствии реальности и представлениям о ней? Если нет, то имеют ли эти два объекта (реальность и представление о ней, манифестируемое в исторических текстах) разный онтологический статус? Субъективность детерминирует позиции любого исследователя. Его основная задача – интерпретация смысловых акцентов в подлинных исторических текстах и порождение новых. Национально-ситуативный контекст, на фоне которого происходит расширение, сужение и иные трансформации смыслов в ходе общественных перемен, играет очень важную роль. Необходимо отметить, что данная модель, обладающая мощным потенциалом интерпретации политических, социальных, культурных и экономических фактов на основе анализа фактов языковых и речевых, имеет не абсолютный, а исторически опосредованный характер. Истории, которые пишутся сегодня и основываются на реальных исторических событиях, моделируются по современным сценариям, составленным с учетом определенных интересов разного характера, но чаще всего по идеологическим соображениям.

В свете модернистской концепции очень часто можно услышать нападки на истинность исторического знания. Как выразился Манслоу: «Парадокс модернизма, которого нельзя избежать, состоит в том, что в то время как исторический дискурс претендует на истинное освещение событий, он все равно связан формой доминирующего нарратива» [3, С. 77]. Другими словами, историк непременно вовлечен в процесс познания,

пытаясь осмыслить прошлый опыт в новом свете. С одной стороны, историческое исследование носит ретроспективный характер, фиксируя те процессы и явления, которые уже имели место в ходе исторического развития, с другой стороны, формально эти зафиксированные процессы и события находят новое воплощение и приобретают новое звучание у познающего субъекта.

Постмодернистское видение мира тоже не лишено парадоксов. Идеологические формы, которые, как правило, имплицитно присутствуют в любом тексте, интерпретирующем факты истории, связаны с производством феномена, который условно можно назвать «ложным подсознанием». Воспроизводимый текст в постмодернистской концепции есть текст множественной интерпретации событий, которые находятся в фокусе исследования, их исследователь волен читать в любой комбинации, и эта комбинация ничем не ограничена. Именно эта бесконечная игра значений является сутью постмодернистской модели видения мира.

Признавая парадоксы этих популярных за последние несколько десятков лет концепций, выбор, который предстоит сделать каждому ученому, намеревающемуся исследовать языковую политику в исторической перспективе, связан с принятием им следующих важных решений: стоит ли относиться критически к результатам исторического социолингвистического исследования, в котором неизбежно расставлены идеологические ловушки, определяемые доминирующими нарративами, и если ответ положительный, то на каком этапе научного поиска необходимо привлечь к исследованию альтернативные концепции. Следующий раздел нашей книги как раз и посвящается описанию критики меганарративов, которые вольно или невольно фальсифицируют картину прошлого.

Несмотря на все чаще раздающуюся критику евроцентричной модели общественного развития, она все еще остается достаточно популярной и

востребованной учеными при объяснении тех или иных фактов или событий социальной действительности. В свете данной модели всегда существовало разделение мира на «Запад» и «Остальных», и в английской интерпретации это звучало как «The West» и «The Rest». Каким только факторам не приписывали экономическое, политическое и культурное процветание западной цивилизации: географическим, технологическим, хозяйственным и другим. Какие бы причины не способствовали подъему Запада, данная модель признает априори Европу (или Запад) центром мировой культуры, из которого рожденные здесь изобретения попадают посредством диффузии на периферию.

Блаут утверждает, что «фундаментальная ошибка была сделана в привычном научном мышлении в прошлом относительно географии и истории, и эта ошибка привела к искажению многих областей науки...» [5]. Социальные и гуманитарные науки всегда характеризовались набором общепринятых дискурсов, которые часто создавали иллюзию консенсуса во всем поле исследования.

Возьмем для примера конструкт «эпистема», который предложил Фуко в своей книге «Слово и Вещи». Мы хотели бы отметить тот факт, что у данного понятия интересная и уникальная судьба. Сам М. Фуко, употребив этот конструкт впервые в 1972 г. в конкретной работе, практически нигде его больше не использовал. Однако понятие стало очень популярным у самого широкого круга специалистов – историков, социологов, политологов и других специалистов смежных сфер, интерпретирующих этот термин как некий универсальный и прозрачный постулат конструирования всех возможных форм человеческой жизни, некую гипотетическую форму жизни, по законам которой генерируются и работают все другие формы.

Данной модели, как правило, приписывают характер всепроникающего дискурса, не осознаваемого реципиентом, но детерминирующего формат его

деятельности и особенности перцепции социальной реальности. Что отличает социальные науки от других областей исследования, так это время их появления. Возникновение многих направлений социального научного поиска совпало с «веком открытий» и поэтому эпистема, разрабатываемая социологами, была, в первую очередь, направлена на экспликацию «свой – чужой».

В метафорическом смысле евроцентричная модель стремится к воспроизводству феномена, который был окрещен Блаутом [5,6] «туннельной историей». Такое восприятие позволяет рационализировать результаты прошлого на основе актуальных для настоящего момента целей [7,8]. Евроцентричная модель также отрицает существование не-западных эквивалентов институтам и достижениям, выработанным в ходе развития западной цивилизации. Работы Гегеля дает недвусмысленный пример «туннельной истории», изображая западное государство-нацию в качестве конечного пункта развития истории. Он пишет об этом следующим образом: «Мировая история движется с Востока на Запад, поскольку Европа, несомненно, является концом истории» [9].

Современные последователи евроцентричной модели считают ее чуть не единственной концепцией, способной рационально объяснить разные явления социальной действительности, включая область языковой политики и планирования. Кроме того, они находят новые научные обоснования устойчивости данной модели. Так, для Блаута, основной пресуппозицией в рамках модели является признание того факта, что большинство сообществ в мире неизобретательны [5].

Изобретательные сообщества неизменно играют в истории роль центров культурного развития и прогресса. В рамках этой модели Европа, наряду с США, Канадой и Австралией, предстает культурным центром, а остальные территории - периферийными объектами. К таким объектам

авторы и приверженцы модели относят и Россию. Следовательно, поскольку центр изобретает, меняется и движется к прогрессу, то он историчен, и, наоборот, периферия более привержена традициям, движется по инерции, отсталая и существует как бы вне истории.

Ключевыми элементами прогрессивности центра являются следующие черты европейской ментальности: дух, характер, рационализм, которые привели к созданию грамоты, а, следовательно, и истории, права и институтов культуры [5, 6]. Еще одной сущностной чертой модели является то, что Блаут назвал «мифом пустоты». Согласно этому мифу, периферия лишена базовых институтов культуры, которые воспроизводятся грамотностью и рационализмом. Другие регионы просто не имеют таких институтов, существование которых позволяет населению укорениться и легализоваться.

Чтобы развиваться и модернизироваться, периферия должна получать некую сумму знаний из центра. Но, как известно, такие подарки не достаются даром. Центр должен воспользоваться сырьевыми ресурсами и богатствами менее развитых государств в обмен на знания и изобретения. Каким образом можно использовать евроцентричную модель для регулирования проблем в области языковой политики и планирования? Все дело в том, что данная концепция выступает в роли своеобразного вектора, организующего всю систему восприятия действительности, в контексте которой особый статус приписывается языку, культуре, грамоте как ключевым факторам культурного прогресса. Все хорошее, включая доминирующие языки, согласно модели, было создано на Западе и только после этого распространилось на периферийные регионы.

Языковое планирование рассматривалось в контексте модели как форма социальной инженерной мысли, которую можно использовать для продвижения более высокого уровня образования и культуры в менее

развитых странах. На макроуровне в свете такого технократического подхода к вопросам языкового планирования языковое разнообразие воспринимается как социальный недостаток, вызывающий социальную и экономическую отсталость. Таким образом, языковая унификация и стандартизация на базе националистических моделей, экспортируемых Западом, признаются чуть не единственной панацеей от социоэкономических «болезней» наций, взявших курс на модернизацию.

Существует довольно популярная точка зрения, что изобретение буквенно-звукового письма предопределило ряд очень важных общественных трансформаций и последствий, которые произошли в западной цивилизации в древности, конечным результатом которых стал осязаемый раскол в развитии так называемых «грамотных» и «безграмотных» сообществ [10]. Интересный ракурс на данную проблематику представляют исследования Буна и Мигноло [11], которые проанализировали, как образованность и лингвистическое превосходство испанцев послужило в качестве идеологического оправдания колонизации коренного населения Америки пять веков назад.

Приблизительно в одно и то же время (1492) произошли два важных исторических события, повлиявших на дальнейший ход развития мировой истории. Этими двумя событиями, последовательно расположенными на временной оси, стали объединение Арагонского и Кастильского королевств и открытие Колумбом Америки. В том же знаменательном году Антонио де Небрия, опубликовав свой труд «Grammatica de castellana» зафиксировал стандартную модель кастильского языка в качестве образца для языковой унификации на Иберийском полуострове. Таким образом он генерировал идею единства нации-государства с языком и определил роль языка как «супруга империи» [12, 13].

Сразу после победоносного шествия испанских завоевателей на территории Америки развернулась дискуссия о законности подобных действий. В качестве основного аргумента, выдвигаемого защитниками кампании, было отсутствие письменности в той форме, какой она уже существовала в Европе. Таким образом, был сделан вывод о том, что данные коренные народы не имеют «истории». Но, по крайней мере, завоеватели признавали наличие души у завоеванных народностей и, следовательно, возможности их обращения. Однако существовало две главные преграды для реализации этой возможности: отсутствие письменности и еретическое мышление у коренного населения. Имперским стремлениям к языковой унификации помешали прагматические потребности общения с вновь обращенными на языках, которые те хорошо понимали. Таким образом, через вынужденное общение на местных языках миссионеры смогли сделать вывод о наличии у местного населения мышления и существовании безалфавитной формы письменности, отличавшейся от той, что была им привычна [11].

В более поздних исследованиях некоторые историки и исторические антропологи сделали попытку точно определить когнитивное и социальное влияние грамотности на развитие мировой цивилизации. Западные стандартизированные языки служат в качестве образца для процессов нормализации и статусного планирования. Так, уже упомянутые нами Гуди и Уотт выдвинули идею о потенциальном превосходстве грамотных носителей языка над неграмотными. Тем не менее, идея построения нации на основе нормализации языковой практики в обществе до сих пор может служить в качестве образца для многоязычных периферийных регионов.

В историческом плане дебаты по поводу якобы имеющего места большого когнитивного раскола (в отношении изобретения буквенно-звукового письма и диффузии западной культуры) ставят под сомнение

идеологическое обоснование колониального захвата только на основе оппозиции грамотности /неграмотности.

Многие специалисты, занимающиеся данной проблематикой, также настаивают на рассмотрении альтернативных типов письма, которые существовали в то время и не уступали буквенно-звуковому типу по сложности и практической ценности.

Иван Ильч [13] изучал проблему развития национальных литературных языков и роль школы в продвижении этих языков в качестве средства общественного контроля. Он пришел к выводу, что введение единого языка в школе как обязательного препятствует развитию местных языков и диалектов и размывает систему ценностей, которая ассоциируется с этими языками. Так, например, он считал, что внедрение кастильского в качестве литературного нормативного языка в конце 15 и начале 16 веков в Испании сдерживало развитие других идиомов. Ниже представлена модель, в которой суммированы концепции, объясняющие разрыв в развитии цивилизаций.

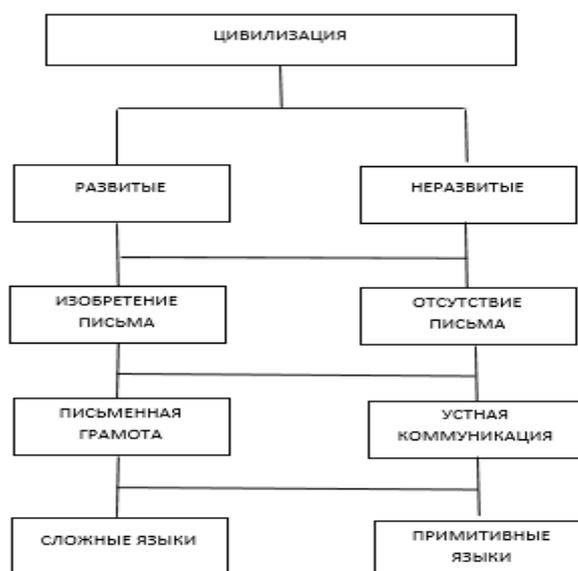

Рис.2. – Дихотомическая евроцентричная модель «Великого раскола» цивилизаций

Анализ существующих исторических моделей интерпретации социальной действительности позволил нам сделать следующее умозаключение:

— теория «великого раскола» и евроцентричная модель в течение довольно длительного времени господствовали в социальных учениях и выступали в качестве некой «эпистемы» научного познания. Однако сегодня становится очевидной несостоятельность применения этих теоретических методов исследования в целом и изучения проблем в социальном и языковом поле регионального уровня, в частности. Речь идет о разработке принципиально нового научного инструментария, основанного на анализе исторического опыта в национально-ситуативном контексте.

Самый важный вывод, который мы хотим сделать на основе изложенной выше информации, звучит следующим образом: исторические факты важны для нас не сами по себе, а как исходный материал для языкового настоящего и будущего.

Литература

1. Weber M. The Protestant ethics and the spirit of Capitalism (ed. A. Giddens). New York: Routledge: 1992. 322 p.
2. Grafton A. with Shelford A., Siraisi N. New words, ancient texts: The power of tradition and the shock of discovery. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press: 1992. 282 p.
3. Munslow A. The Routledge companion to historical studies. London: Routledge: 2000. 260 p.
4. White H. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press: 1975. 314 p.
5. Blaut J.M. The colonizer's model of the world: Geographical diffusionism and Eurocentric history. New York: Guilford Press: 1993. 246 p.

6. Blaut J. M. Eight Eurocentric historians. New York: Guilford Press: 2000. 315 p.
7. Розин М.Д., Свечкарев В.П. Проблемы системного моделирования сложных процессов социального взаимодействия // Инженерный вестник Дона, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
8. Свечкарев В.П., Розин М.Д. Инженерный прорыв в социальном моделировании // Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
9. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Ч. 3. Философия духа, М.: 1956. 471 с.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме / Пер. с нем. // Проблемы человека в западной философии. М.: 1988. 32 с.
11. Boone E.H., Mignolo W. D. (eds.) Writing about words: Alternative literacies in Mesoamerica and the Andes. Durham, NC: Duke University Press: 1994. 322 p.
12. Willinsky J. Learning to divide the world: Education at empire's end. Minneapolis: University of Minnesota: 2000. 166 p.
13. Illich I. Vernacular values and education // Teacher's College Record. 1979. 81(1), pp.31 – 75.

References

1. Weber M. The Protestant ethics and the spirit of Capitalism (ed. A. Giddens). New York: Routledge: 1992. 322 p.
 2. Grafton A. with Shelford A., Siraisi N. New words, ancient texts: The power of tradition and the shock of discovery. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press: 1992. 282 p.
 3. Munslow A. The Routledge companion to historical studies. London: Routledge: 2000. 260 p.
-

4. White H. Metahistory: the historical imagination in nineteenth-century Europe. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press: 1975. 314 p.
5. Blaut J.M. The colonizer's model of the world: Geographical diffusionism and Eurocentric history. New York: Guilford Press: 1993. 246 p.
6. Blaut J. M. Eight Eurocentric historians. New York: Guilford Press: 2000. 315 p.
7. Rozin M.D., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona, 2012, №2. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n2y2012/846/
8. Svechkarev V.P., Rozin M.D. Inzhenernyj vestnik Dona, 2013, №4. URL: ivdon.ru/magazine/archive/n4y2013/1979/
9. Hegel G.V.F. Enciklopediya filosofskih nauk. CH. 3. Filosofiya duha [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Part 3. Philosophy of the Spirit]. Moskva: 1956. 471 p.
10. Heidegger M. Pis'mo o gumanizme [Letter on humanism]. Per. s nem. Problemy cheloveka v zapadnoj filosofii. M.: 1988. 32 p.
11. Boone E.H., Mignolo W. D. (eds.) Writing about words: Alternative literacies in Mesoamerica and the Andes. Durham, NC: Duke University Press: 1994. 322 p.
12. Willinsky J. Learning to divide the world: Education at empire's end. Minneapolis: University of Minnesota: 2000. 166 p.
13. Illich I. Teacher's College Record. 1979. 81(1), pp.31 – 75.